

ЖИТИЕ СВ. КОНРАДА ПЬЯЧЕНТИНСКОГО

Винченцо Литтара

Пер. с лат. Conradus Eremita, Nati in Sicilia, et Placentiae in Italia (B.), Vita auctore Vincentio Littara // AASS Feb. T. III, pp. 164-167. «Авторское посвящение» в переводе опущено. Дополнения болландистов вставлены в текст {в фигурных скобках}

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. ПРИЧИНА ОБРАЩЕНИЯ СВ. КОНРАДА. ЕГО ОТЪЕЗД И ПУТЕШЕСТВИЕ НА СИЦИЛИЮ

[1] Конрад был пьачентинским рыцарем знатного рода. Лишившись из-за охоты, к которой он питал величайшее влечение, земных богатств, он приложил все силы к стяжанию богатств небесных. А случилось это так.

Преследовал он с огромной свитой диких зверей, а те убежали и укрылись среди зарослей терновника в лесу, и поэтому он не мог до них добраться. Тогда он велел выжечь это место. Но огонь, поначалу умеренный, ветры раздули до такого пожара, что при всём желании его невозможно было потушить и, распространившись, он спалил всё. Тайно и робко Конрад возвратился в город, которого вскоре достигли известия о лесных пожарищах.

[2] Те, кому был причинён ущерб, потребовали от правителя города отряд охранников, чтобы с их помощью взять поджигателя и бросить его в темницу; и никого им не удалось изловить, кроме первого попавшегося человечешки из самого простонародья. Наорали на него, схватили, дрожащего, а когда он онемел от страха, предъявили обвинение в поджоге. Ну а на допросе он, будучи невиновен, сознался, что совершил преступление, причём даже злонамеренно. Не стали мешкать и приговорили его к казни, потащили на виселицу.

[3] Но Бог, не покидающий правых, уязвил совесть Конрада; и он, услышав о том, что случилось с несчастным, отважно избавил его от руки палача, укрыл у себя дома, а приставов отпустил, поручив им сказать, что не подобает убивать невинного за проступок, свершившийся по чужой вине. А на допросе у императорского наместника он добровольно признался, заявив, что вышло так не по хитрому замыслу, а в пылу охоты; он, мол, и не предполагал, что выйдет худо. При этом он проявил сообразную мудрость, извинившись за совершённый по неразумию проступок, и попросил отпустить, обещая возместить нанесённый ущерб. И весь народ, которому очень нравилась его доблесть, был доволен этим [предложением]. Тогда Конрад поведал о своём намерении супруге, женщине, достойной такого мужа, а она даже с радостью предложила ему своё приданое, чтобы покрыть народные убытки. Итак, на следующий день он справедливо со всеми расплатился.

[4] А вскоре после этого, поразмыслив над суетой мира, он решил всецело предать себя в послушание Богу (что, собственно, является для христиан обязанностью), поэтому вымолил у жены разрешение последовать своему святому замыслу. {Хотя поначалу бес внушил ей мысль, что лучше ей будет последовать за своим мужем в странствие, она одолела искушение и,} проникнувшись такими же благочестивыми чувствами, с согласия его приняла постриг в женской обители ордена {Св. Клары}, богатства отчасти раздала пострадавшим, отчасти пожертвовала монастырю и великодушно отпустила мужа. Итак, покинув отечество и родню, он вышел [из города] ночью в одиночестве и налегке. И приняли его в некоей обители, где благочестивые мужи ревностно служили Богу, сторонясь мирской суеты. Именно там, облаченный в рясу иноков, именуемых Терциариями Святого Франциска, он и обучился святейшим уставам подвижничества.

[5] Поскольку ж обитель находилась слишком близко к родному городу, Конрад, покинув её, пошёл в Рим.

{В дороге он подвергся множеству диавольских искушений. Поначалу он слышал мнимый голос жены; будто бы она кричала, что самовольно покинула монастырь и что её изнасилует грязный бродяга, если Конрад ей не поможет. Затем ему повстречался бес в облики старика, который на вопрос, слышал ли он женский голос, поведал то же самое, много сетуя о опрометчивости мужа, который запер в монастыре такую молоденькую жену. Охваченный горем Конрад пытается привести в своё оправдание слова Священного Писания – и лукавый внезапно исчезает. Вскоре последовала ужасная буря, и он, перепугавшись, сбился с дороги. Жизнь его висела на волоске, но тут молния разогнала непроглядную ночную тьму, он увидел неподалёку пещеру и укрылся в ней. На рассвете какие-то добрые овчары вывели его обратно на дорогу.}

Затем он посетил Святую землю, а отплыв оттуда на лигурийском корабле, высадился в Палермо. Там он узнал добронравие сицилийцев и услышал, что жители долины Валь-ди-Ното и жители самого города Ното отличаются, сверх того, благочестием и милосердием. Поэтому он направился туда, но сразу же по вступлении в пределы Нотинской низины, минуя Палаццоло, убедился, что молва была неправдива. Ибо, когда он расположился было отдохнуть после тяжкой дороги поблизости овчарни, грубые и жутко нечестивые пастухи обошлись с пришлым скверно. Поэтому, избегая побоев, он обошёл это место, и хотя они травили его собаками, добрался, тем не менее, до Ното целым и невредимым. {А проводили его туда двое знатных нотинцев, отец и сын.}

[6] Поселился он в приюте Св. Мартина и просил милостыню до тех пор, пока не возжелал удалиться от толп и при посредстве Джованни Менеи не познакомился с Гульельмо Буккери (бл. Вильгельм Нотинский, пам. 4 апр.). Сей муж некогда обладал большой силой (а впоследствии достиг дивной святости) и однажды оказал помощь сицилийскому королю Фридриху (Федергиго II, 1272 или 1272 – 1337 гг.), когда на его лошадь набросился вепрь, и получил при этом от свирепого зверя такой удар клыком, что пал без чувств и почти бездыханный. Когда король любезно пообещал ему всё [что душе угодно], Гульельмо принял в дар несколько домишек при верхнем въезде в Ното, где радушно принимал странников. Здесь Конрад прожил несколько лет всем на радость, хотя нашлись и спесивцы, которым он оказался не по нраву. Ибо же Пьетро, сын Гульельмо, чья любовь проявилась лишь в том, что он кормил и навещал своего искалеченного родителя, был раздосадован тем, что отец, пленённый сладостнейшими речами Конрада, хлопотал вокруг гостя.

ГЛАВА II. ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО БЛ. КОНРАДА, ЧУДЕСА И ОДОЛЕНИЕ ИСКУШЕНИЙ

[7] Поскольку же частые посещения людей отвлекали его от молитвы, спросил он знакомых – Николо Вассало и Бартоло Лонго – не знают ли они подальше от города какой-нибудь пещеры, и если да, то пускай проводят. Они, хоть и ворча про себя (ведь они не понимали намерений его), описали ему [путь до] неких холмов, донныне хранящих память о блаженном Конраде (Grotta San Corrado. – прим. пер.). И вот, неохотно отпущенный Гульельмо, он отправился прямо на место в полном одиночестве без проводника. Уходил оттуда он только тогда, когда заканчивалась еда. {Раз в восемь дней он ходил в Ното или Аволу.}

[8] Там он упражнялся в посте, и молитве, и других монашеских подвигах; спал на земле, а жизнь поддерживал в себе то одним хлебом, то одними овощами. Завёл обычай каждую пятницу ходить в город, чтобы поклониться весьма почитаемому среди нотинцев образу Распятого. Когда он впервые явился туда, попотчевал его обедом Антонио Сесса. Во время беседы с ним Антонио почувствовал жутчайшую боль в боках, однако блаженный сотрапезник молитвами облегчил его боль; причём [за обедом Конрад] довольствовался лишь орехами, а от прочего отказался.

[9] И отправившись оттуда в Мальфито, селение, где в прежние времена жило много портных, он встретил друга, у которого ребёнок страдал грыжей. Уступив просьбам, Конрад навестил его и исцелил крестным знаменем. А пока о чуде ещё не стало известно, зашёл в храм св. Николая и тут же вернулся в свою хижину, сколько бы ни звал его отец исцелившегося мальчика, желая отблагодарить.

[10] Не было недостатка и в других [свершениях], в коих святость сего мужа проявлялась всё ярче и ярче. Бартоло послал ему два бочонка вина. А пьянчужка-слуга один припрятал для себя, а уж другой отдал Конраду. Но от него не утаился обман, и он укорил того человека, предупредив о грядущей опасности. Ибо у отверстия бочонка свилась змея, и она укусила бы юношу, если бы он не был предупреждён и не отогнал её прутиком. Он [сам же и] засвидетельствовал столь замечательное событие и возвестил о нём.

[11] Однажды в ясную погоду пошёл повидать Конрада некий человек. Однако, пока он был в пути, разразилась страшная буря: небо заволокло тучами, всё грохотало от порывов ветра и грозы. Путник укрылся в каком-то гроте и, утомлённый тревогами, уснул. Между тем Конраду было откровение о том, что этому человеку суждено погибнуть от молнии. Тогда, вымолив у Бога прощение [для него], святой отправился туда, где он спал, разбудил его, напомнил ему о содеянном и отпустил домой невредимого.

[12] Лоренцо Кардо велел сыну отнести немного бобов бл. Конраду. Проведав о том, завистливый враг рода человеческого вызвался проводить мальчика к человеку Божию, но по обыкновению своему, заведя его на возвышенный и обрывистый утёс, покинул его там, а сам исчез. Но когда тот воззвал к небесам о помощи, по велению Божию явился Конрад, который, стоя на другом краю глубочайшей долины, утешил юного отрока и, немедленно выведя его из этой страшной пропасти, наставил святыми заповедями.

[13] Также диавол часто подвергал Конрада искушениям похотью, но он мужественно побеждал их, сокрушая плоть и молясь непрестанно.

{На закате солнца в пещеру к Конраду пришла красивая девушка, которая поведала, будто заблудилась на дороге через лес, и умоляла его позволения одну-единственную ночь поспать у него в гроте, а не то, мол, её съедят волки. Но когда, обнажив грудь и соски, она начала строить глазки, Конрад, который даже во цвете юности крайне гнушался всякой нечистой похоти, велел ей подождать во дверях, пока он не уладит невесть какое до крайности срочное дело. Затем пошёл вглубь леса и, обнажив спину, стал жестоко хлестать себя бичом. В это время душа его озарилась небесным светом, и он понял, что худший в образе девушки ему явился прегнусный бес, с тем чтобы поколебать его чистоту.}

Чудесным образом преодолевал он и частые соблазны гортанобесия и чревоугодия. Ибо, когда его искушало острое желание полакомиться свининой, жирной курятиной и сырными пирогами, он высмеивал вражьи козни тем, что не прикасался к гостинцам, полученным от друзей, пока они, полежавши, не покрывались червями, из-за чего даже ему было противно смотреть. Так даже лютый голод с величайшей лёгкостью отступал.

[14] Когда ж созревали ранние смоквы, ему непрестанно хотелось вкусить от плодов своих трудов, а потому, дабы укротить сие влечение, он снимал рубашку и нагишом катался в колючих кустах терновника и ежевики, пока струи крови не угасали жар обжорства.

Поэтому бес, видя, что слава его растёт, стал в открытую преследовать блаженного оскорблениями и поношениями. Святой же, одолевая его в борьбе, благодарение воздавал Богу, виновнику победы.

Тем временем Пьетро Буккери, сын Гульельмо, захворав мерзлячкой { как сицилийцы называют сорокадневную лихорадку}, был отправлен отцом своим к Конраду и выздоровел.

[15] Однажды он попросил у своего старого друга Николо Вассало круг сыра, который тот и велел отнести своему сыну (кому бл. Конрад был восприемником при крещении, почему его и звали среди нотинцев Конрадом), хотя сварливая жена Вассало возражала против того, чтобы он послал святому целый сыр. Но когда Конрад сыскал Конрада, сей старец, несмотря на возражения мальчика, отослал его обратно с половиною сыра, который мать его дала неохотно, показав тем, что наперёд узнал все подробности ссоры, возникшей между родителями.

[16] И во многих случаях обнаруживался в нём то дар исцеления, то дух пророческий.

Когда друг пригласил его на обед, он сказал, что, мол, не стоит ему приходить; он и так земной пищи не ищет, а тут ещё кошка стащила нарочно купленную по такому случаю рыбу. Друг не поверил было, но по возвращении услышал ругань разгневанной жены и понял, что дело обстоит именно так, как он слышал.

ГЛАВА III. РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ БЛ. КОНРАДА И ПРОЧИЕ ЧУДЕСА ЕГО. НАКАЗАНИЕ НЕЧЕСТИВЦЕВ. ОБРЕТЕНИЕ ПИЩИ НЕБЕСНОЙ

[17] Дошла до сиракузского предстоятеля молва о бл. Конраде, о святом его подвиге и многочисленных чудесах. Желая подробнее узнать о нём, епископ приехал в Ното, зашёл в пустынь, подивился, что в гроте нет никакой утвари, и вскоре встретил пустытника, который, пав ему в ноги, принял благословение. А получив от владыки приглашение на трапезу, Конрад метнулся в келлию и принёс четыре горячих белых лепёшки, что всех изумило. В итоге, признав святость и красноречие сего мужа, епископ с радостью рассказал в Сиракузах о достославных добродетелях его.

[18] Уже по всей Сицилии гремела слава о святости великого отшельника. И вот несколько нечестивцев, желая выставить святого на смех, постановили обмануть его следующим образом: пригласить его в пятницу на рыбу, но при этом, несмотря на пост, подать мясо. А тут и случай представился проверить это дельце: когда Конрад

по обычаю своему посещал в храм Распятия, они все мигом оказалась там и с притворным почтением просили отобедать с ними. Блаженный, распознав обман, согласился на их притворное предложение.

И вот подают к столу жареную поросятину, а больше ничего из еды. Они уже лелеют гнусный замысел, как будут винить сего мужа в нечестии или посмеются над его простотой, разгласив, как эдакий святоша ел в пятницу свинину, а отшельник же вкушает свою долю, и объявляет, что это рыба, на которую его и приглашали. В доказательство этого он достаёт ловко спрятанные под салфеткой кости, позвонки и чешуйки, а хозяев укоряет за бесстыдство.

Когда он возвращался в свой грот, встретился ему земледелец, и поцеловал Конрад ему руку, а на вопрос, [зачем он это сделал], наставил его часто читать молитву Господню и Ангельское приветствие.

[19] После этого на него напали какие-то презлбные охотники и избили палками. Но, взмолившись к Богу о милосердии, он в радостном настроении попотчевал каждого из своих обидчиков хлебом, ангелами приготовленным. Они же, изумившись необычайному чуду, бесшумно, дабы никто не проведал о нанесённой Конраду обиде, бежали.

Однако молва о таком злодеянии их опередила; дело было передано мировому судье; виновников преступления бросили в темницу. На допросе Конрад рассказал о случившемся, но не опознал злоумышленников, хотя видел, что они не изменились ни в повадках своих, ни в помыслах. Однако, спасши их от земного правосудия, он не избавил их от мук вечных, ибо погибли они самым жалким образом.

[20] Когда он пожаловал к архиерею в Сиракузы, возле дворца его окружило множество птичек, которые по-своему веселились при виде блаженного. Предстоятель, узнав об этом от помощников, спустился и с честью принял Конрада, который, исповедавшись у него в грехах своих (если они у него вообще были), сразу после этого возвратился в пустынь.

[21] Точно так же птицы приветствовали его под Аволой, где он остановился у овечьего загона. Один прохожий, увидев такое, спросил Конрада об имени его и роде занятий, а узнав, с величайшей охотой возвестил о том аволийским своим знакомым, среди коих имя Конрада было столь же славно, как и у Нотинцев. Поэтому их собралась столько, что, когда пустынный зашёл в город (скорее всего – к своему духовнику, в храм святого Петра Апостола), ему пришлось красться тайком, чтобы ускользнуть от многолюдных толп.

[22] Случилось ещё вот что. Он захотел поставить у себя в гроте образ Распятия на некоем подобии алтаря, а для этого вырубил большой камень в скале. Чтобы вытащить его, он позвал соседских селян, которые, примериваясь к работе, устрашились, что такая огромная тяжесть им не по силам. А Конрад, уповая на Бога, ободрил мужиков, и сам взялся с одной стороны, а с остальных сторон разместил своих помощников, после чего они с величайшей лёгкостью камень подняли и вытащили. Тотчас же после того, как они вышли из грота, где незадолго до того не оставалось ничего [из еды], он принёс им столько сладких и еще дымящихся хлебов,

что хватило каждому из них, и, изумлённые ещё одним чудом, они благословляли Господа.

[23] Один из них попросился к Конраду в сотоварищи и ученики. Тот же, предполагая, что это будет сложно, приглядывался к его нраву, а когда решил, что он достаточно твёрд, предложил облачить его в хабит отшельника, и за два года он показал себя деятельным и послушливым. Но враг человеческого спасения, пылая врожденной завистью, так растравил в юноше похоть, что он признал себя немощным и неспособным сопротивляться. Не надеясь уж более устоять, он открыл Конраду свои помыслы, признавшись, что загорелся желанием оставить пустынь и жениться. И хотя святой муж часто и настойчиво увещевал его, стараясь отпугнуть от этой злосчастной мысли, однако не смог отвлечь малодушного от намерения его. В конце концов, отчаявшись, он отпустил его, предсказав три неминуемые опасности: что его укусит спрятавшаяся в башмаке змея; что ему придётся участвовать в сражениях; что в решающем бою он обязательно попадёт под вражье копьё. Юноша, оказавшись глух к увещаниям, возвратился на блевотину свою (ср. Прит. 26:11), и, говорят, жизнь его закончилась самым несчастным образом.

[24] Сицилию, баснословно плодородную, постиг такой жуткий неурожай, что у несчастных смертных, изнуренных голодом, уже маячил перед глазами призрак смерти. Некоторые побежали ко святому Конраду, который принял их с величайшей благожелательно и насытил хлебом небесным; тогда одни за другими стали бегать к нему за пропитанием, и все насыщались хлебами, творимыми благодатию Божией.

[25] Прознал любезный Богу провидец, что некий юноша погряз в смертном грехе и что его жизни грозит неотвратимая беда. Пошёл он к отцу его, который работал в поле, и поручил ему уговорить сына исповедаться, дабы очистился тот от кое-какого пятна. Юноша так и сделал, а как возвратился на отцовское поле, тут-то и узнал, в какой опасности находился; ибо во время внезапно разразившейся бури рядом с ним ударила молния с неба, отчего он рухнул наземь и едва не испустил дух. Предвидя случившееся, Конрад оставался там под ливнем и утешал своих друзей, увещевая страшиться смертоносных проступков. Они поняли, что именно по молитвам святого пустычника была спасена жизнь юноши, и рассудили, что Бог простил его.

ГЛАВА IV. КОНЧИНА БЛ. КОНРАДА, ПОГРЕБЕНИЕ, ПОЧИТАНИЕ

[26] И приблизился долгожданный день, когда после множества славных побед призван был святой муж к небесной славе. Получив Божие откровение о том, когда это случится, Конрад пошёл в Ното к своему духовнику, укрепился таинством Евхаристии и смиренными просьбами уговорил этого благочестивого священника пожаловать послезавтра в пустынь. Когда тот исполнил просьбу, Конрад открыл ему, что час преставления его приходит, и предсказал, что нотинцы и аволийцы чуть ли не войну между собой устроят за обладание его трупом, а потому, чтобы не вышло чего худого, он высказал желание быть погребённым в церкви св. Николая. Оный муж, чрезвычайно любивший Конрада, не мог сдержать слез, оплакивая потерю столь великого человека, а тот, охваченный горячкой, стал голыми коленями перед Распятием и вверил Господу себя и своих друзей в Ното. Затем пещера озарилась дивным сиянием, и он предал душу свою Богу. Священник, утращённый блистанием, увидел, что Конрад по-прежнему стоит на коленях, и

поэтому подумал, что он жив, но когда убедился в его смерти, проникся глубочайшей скорбью.

[27] И о сем Бог изволил известить благочестивый люд чудесным образом. Ибо колокола и в Ното, и в Аволе, хотя никто не бил в них, зазвенели так сильно, что люди, встревоженные небывалым явлением, стали в тревоге разузнавать [что случилось]. Они кинулись к хижине Гульельмо, который был всем дорог за святое житие своё, ибо подумали, что это он умер, а он им напомнил, что стоило бы подумать о бл. Конраде. Тотчас же, обеспокоившись, они помчались туда и, обнаружив, что он всё ещё стоит на коленях, словно бы на молитве, подумали было, что унести его будет легче лёгкого, однако не смогли его даже двинуть с места. Присутствовал там и духовник святого мужа, который уложил Конрада в гроб, дабы вынести его с должными приличиями. Тут вдруг, однако, явились аволийцы и с не меньшей отвагой стали пытаться вырвать из рук нотинцев сей многожеланный груз. Обе рати сошлись, и бой был крайне ожесточенным, но всё же (по заступничеству Конрада) никого ни убили, ни ранили; мало того, выпущенные стрелы обнаружили у себя в колчанах.

[28] Узрев в том чудо, нотинцы (сие священное сокровище всё время находилось среди них), возвестили, что окончательно удостоверились в божественной воле, [которая заключается в том,] что четверым представителям от обоих народов следует по очереди попытаться поднять гроб с земли. Пускай начинают аволийцы; если смогут, вторая сторона уступит, а если уж нет, то нотинцы попытаются. Аволийцы приняли условие, однако не сдюжили поднять с земли гроб. Их сменили нотинцы, которым достолюбезное бремя показалась настолько легким, что они резво и ни разу не останавливаясь доставили его в Ното.

[29] Когда вступили они в город, некоторые предлагали поместить [мощи святого] в храме Св. Марии-в-Замке (что ныне называется храмом Распятия), но когда попытались внести его туда, это никак не получалось. Тогда-то духовник Конрада и поведал о завещании святого, согласно коему его следует похоронить в церкви св. Николая (которая тогда была кафедральной); и вот двое с величайшей лёгкостью донесли его туда, а остальные следовали за ними в чрезвычайно торжественном похоронном шествии. Народ сошёлся туда огромной толпой и молился так горячо, что блаженный явил свою милость, и обрело исцеление множество немощных, грыжевых, слепых, глухих, хромых, немых и страдавших другими болезнями. Причём четверо мужей (вероятнее всего, епископ и самые уважаемые в городе священники, в числе которых были духовник святого бл. Вильгельм Нотинский (Гульельмо Буккери) и друг Конрада бр. Михаил Ломбарди. – прим. пер.) позаботились о том, чтобы все эти чудеса были подобающим образом засвидетельствованы, а достойные всяческого доверия чиновники записали их на память потомкам.

[30] Наконец, на третьем году своего понтификата Лев X дал нотинцам разрешение почитать мощи бл. Конрада, молиться при них и совершать с ними шествия по городу. После чего в год спасения нашего 1516-й впервые торжественно справили память Конрада. В это день нотинец Иаков Умана, епископ Скутари, присутствовавший при этом по предписанию Апостольского Престола, собрал свидетельства о множестве чудес. Затем Павел III разрешил поминать и почитать святого Конрада празднеством за пределами города Нето и Сиракузской епархии

наряду с другими блаженными, которых Церковь ещё не причислила к лику святых. Грамота о том была подписана в Риме в 3-й день до ноябрьских календ в год спасения нашего 1544-й.

[31] Конрад был высокого роста, на редкость изящен чертами, осанкою благороден, говорил весомо и красноречиво. Земную жизнь оставил в 11 день до мартовских календ в год от Рождества Христова 1351-й. Мощи его, заключённые в серебряную раку, хранятся в Нето, в благоукрашенной гробнице посреди часовни, где мы ежедневно наблюдаем знамения силы божественной.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW